

СУБЪЕКТ ПРАВА КАК СУБЪЕКТ ПОНИМАНИЯ

Ведущей тенденцией развития современного общества является гуманизация всех сфер жизни человека. Соответствующие изменения происходят и в науке. Постепенно осознается необходимость смены методологических ориентиров, которая разворачивается под знаком так называемого антропологического поворота, суть которого состоит в том, что во всех гуманитарных исследованиях исходной предпосылкой и горизонтом выступает человек как действующий субъект во всей полноте его характеристик. Юриспруденция же в таких условиях трактуется как правовая антропология, предполагающая рассмотрение права во всех его проявлениях сквозь призму носителя правового качества общественных отношений – индивида, выявление человеческой составляющей в праве и правового качества в человеке [15, с. 17].

Проблема субъекта права подробно разрабатывалась еще российской дореволюционной философско-правовой мыслью. К ней обращались: И.А. Ильин [7],

О.С. Иоффе [8], Б.А. Кистяковский [9] и другие ученые. Традиционно субъект права изучался в одном из таких аспектов, как лицо, правовая воля, совокупность правовых связей, носитель правосознания, правовой деятель, социально-правовая ценность, правосубъектность. Не отрицая многоаспектности данного явления, следует все же отметить, что всегда на первый план выходит процедурный момент – субъект как исполнитель определенной роли, тогда как целостное представление о нем предполагает установление его сущности. К вопросу о сущности субъекта права сегодня обращаются С.С. Алексеев [1], С.И. Архипов [2], С.И. Максимов [10], В.С. Нерсисянц [11]. В духе герменевтической традиции поднимает французский философ П. Рикер [См.: 13; 14] проблему субъекта права, сущность которого определяется через его способности: (а) быть субъектом высказывания, (б) признать самое себя как совершившего действие, (в) быть творцом истории своей жизни, (г) считать себя от-

ветственным [14, с. 28] и (д) признание как собственно правовая способность, которая делает право возможным [10, с. 239].

Цель данной статьи – выявить сущность субъекта права путем изучения его как субъекта понимания, с учетом в нем не только способности, но и способность бытия человека.

Понимание, как процесс и результат постижения правовой реальности, сопровождает все формы осуществления права. С этим феноменом сопряжен каждый из аспектов субъективности, выделенных П. Рикером, а также опосредующие их институты: речь и язык, действие и коммуникация, повествование и история, вменение и правоприменение, в результате чего осознание порождает смысл. Следовательно, сущность субъекта права предполагает исследование его как субъекта понимания, выявление его характеристик, допускающих возможность этого явления как такового, а также роли субъекта в процессе осуществления права.

Как отмечает С.И. Максимов, основной вопрос философии права сквозь призму правовой антропологии заключается в конкретизации общефилософского вопроса: «Что такое человек?» Он может быть сформулирован точнее: «Что такое человек юридический?» [10, с. 234].

Если субъектом права признается индивид как представитель рода «человек», т. е. один из множества людей, он – лишь исполнитель норм. В центр правовой реальности помещается, таким образом, норма права, отодвинув на второй план фигуру субъекта. Субъект права как личность – это не просто субъект права, как о нем говорит юридическая теория, а субъект в философском смысле, когда на первый план выходит собственная рефлексивная деятельность человека, не вытесненная объективированными формами существования юридического смысла в положительном праве, где на долю юридического субъекта остается лишь пассивное воспроизведение положительного права путем трактовки юридических норм [10, с. 238].

Вопрос о том, кто может быть субъектом права становится, по сути, вопросом о том, кто может быть субъектом постижения. Ответ на него предполагает осмысление природы последнего в процессе осуществления права.

М. Хайдеггер утверждает, что понимание выражает специфику самого человеческого существования, ибо является фундаментальным способом человеческого бытия [4, с. 222]. Х.-Г. Гадамер мыслит развитие теории толкования – герменевтики – в рамках ее онтологического поворота к язы-

ку. По его выражению, нас определяет язык, «в котором мы живем» [5, с. 43]. Язык не есть только «дом бытия» (М. Хайдеггер), но и способ бытия человека, сущностное его свойство. Понимание считается неотъемлемой функцией языка, вследствие чего оно из свойства познания превращается в свойство бытия, а основной задачей герменевтики становится выяснение онтологического статуса осознания как момента жизни человека.

По П. Рикеру, уяснение многозначных выражений – это момент самопонимания человека, вследствие чего семантический план будет всегда связан с рефлексивным. Но субъект, который, толкуя знаки, трактует себя самого, – это существующий, который через истолкование своей жизни открывает, что он находится в бытии до того, как ощущает себя и располагает собой. Так герменевтика открывает способ существования, который от начала и до конца остается интерпретированным бытием [13, с. 42].

Государство, право, исторические события, общение и все остальные компоненты общественной жизни составляют, перефразируя Х.-Г. Гадамера, единый герменевтический универсум, глобальный и всеобъемлющий текст, постижение смысла которого и составляет цель любого социального знания [5, с. 41,

42]. Но там, где он есть, всегда возникает герменевтический круг, т. е. процесс понимания, основывающегося на знании предпосылочном, неявном. Познание опирается на нечто, уже данное, на что-то предполагаемое: его субъект всегда делает предположение по поводу смысла целого, который является исходящим смыслом. Совокупность так называемых предрассудков и предсуждений, обусловленных социокультурной традицией, составляет то, что Х.-Г. Гадамер называет «горизонтом понимания». По мнению А.И. Овчинникова, если познание права рассматривать как осмысление, то ценностные структуры правосознания мыслителя, лежащие в основе последнего, и есть неявное, допредикативное знание права [12, с. 28 – 30]. Таким образом, правовое мышление глубоко предпосылочно.

Понимание права – всегда в той или иной форме творческое соавторство еще и в силу особенностей объекта познания. В первую очередь, это многозначная конструкция смысла правовых текстов – символизм. Кроме того, закон имеет всеобщий характер и потому не может охватить практическую действительность во всей ее конкретности. Законодатель изначально стремится к максимальной однозначности правового текста, а правоприменитель

– к его интерпретации в свою пользу. Иными словами, в связи с тем, что закон всеобщ, он не может быть справедливым для каждого отдельного случая [5, с. 594]. Он несовершенен не потому, что он несовершенен сам по себе, а потому, что человеческая деятельность по сравнению с порядком, который имеет в виду закон, в любом случае остается несовершенной и поэтому не допускает простого его применения. Социальная действительность не представляет собой нечто существующее и развивающееся по определенным законам, аналогичным естественным; это не есть нечто, которое можно с помощью норм запрограммировать для достижения определенных целей. Не существует полностью тождественных ситуаций и случаев, как не бывает и 2-х одинаковых людей. Закон не в силах предусмотреть бесконечное число возможных ситуаций, так как имеется человеческая свобода. Всегда существует определенный понятийный, так сказать, зазор, который заполняет намерение интерпретатора.

В процессе квалификации деяния между правовой нормой и содержанием дела складывается ситуация герменевтического круга: понять смысл дела, частного случая, можно, лишь уяснив смысл нормы, а познать смысл общей нормы можно, ра-

зобравшись в смысле каждого конкретного случая. Разрыв этого круга осуществляется посредством предпонимания, вхождения субъекта в герменевтический круг из своего предбытия и до-рефлексивного ощущения справедливости. Правосознание и правовая культура предстают как потенциал, динамическая сила, резерв смысловых ориентиров в среде неопределенностей, условий, интенций, мотиваций, моделей и оценочных схем, которые и являются фундаментом для познания.

Ценность герменевтически состоит в том, что она позволяет удерживать в поле зрения смысл, который обыденное осознание имеет в виду, хотя и никогда окончательно не может его выразить. Правоприменитель принимает решение не в связи с тем, о чем говорит закон, а в связи с тем, о чем он молчит, что имеет в виду. Таким образом, феномен понимания значительно шире его знаковых репрезентаций. Его неотъемлемой частью является особый правовой взгляд на вещи, правовая позиция, правовой мир, правотолкование и отношение к праву, внутренняя система правовых ценностей субъекта – личности, творящей так называемую объективную правовую материю собственной волей, сознанием, деятельностью. Человек со своим творческим потенциалом

представляет собой своеобразное энергетическое наполнение всякой информации. По мнению И.А. Ильина, в основе всякого правоотношения лежит признание собственной автономии как правотворящей силы, а автономии другого – как силы, способной к правотворчеству [7, с. 445]. Иными словами, право коррелируется именно с образом человека-личности как субъекта свободы.

П. Рикер проникает в сущность субъекта права путем нахождения соответствующего местоимения, наиболее адекватно выражающего правовой смысл: «Субъект права — любой. Я являюсь любым по отношению ко всем. Мы входим в юридическое пространство, когда рассматриваем себя как «любого» из всех остальных «любых»» [14, с. 30]. При этом, как замечает философ, мы не оказываемся анонимными, поскольку есть «некто», но субъект права – не некто, а любой.

Такой подход к пониманию этого феномена позволяет согласовать всеобщность права и индивидуальность субъекта, которые, по мнению ряда исследователей, приводят к парадоксам. Так, А.Б. Бондаренко трактует субъект права через местоимение «каждый», имея в виду представителя общества как целого: «До тех пор, пока я играю роль

каждого, мне позволено все. Чем больше я проявляю свою индивидуальность, тем все больше ухожу из-под защиты прав человека, ибо становлюсь скорее противником каждого, чем его сообщником... У меня есть право на свободу до тех пор, пока я каждый. Пока я каждый, я не могу ограничивать свободу кого-то другого, это возможно только в том случае, если тот другой не каждый. Но тогда у него и нет никаких прав. Если же он тоже каждый, то это мое второе Я, и моя свобода есть и его свобода» [3, с. 107].

Как уже отмечалось выше, П. Рикер не усматривает здесь никакого противоречия и утверждает, что функция права – позволить любому реализовать свои способности [14, с. 30].

И хотя субъект права, выступающий в роли его творца, каждый раз должен соотносить свою позицию с позицией других, он от этого не становится, так сказать, продуктом внешних обстоятельств. Как отмечает С.И. Архипов, он сохраняет и развивает в праве свою особность, неповторимость, самость, индивидуальность [2, с. 23]. Иначе говоря, создавая право в процессе понимания, субъект права одновременно созидает и самого себя, свой внутренний правовой мир. Право, в свою очередь, – это не средство усреднения личности, а сфе-

ра ее собственного самоопределения.

И.А. Ильин в своих трудах отмечает, что такой субъект, создавая право как нечто свое и для себя, должен нуждаться в нем, хранить в себе его мерило и критерий, переживать право как свой необходимый атрибут. Он обязан быть сам достоин его, и в то же время создавать такое право, которое соответствовало бы его собственному достоинству [7, с. 384].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Любой субъект права явля-

ется субъектом понимания и может быть таковым, только обладая качествами свободной личности. Именно образ человека как личности соответствует праву.

2. Субъект понимания выступает как творец права и одновременно созидает свою правовую индивидуальность. Таким образом, согласовываются всеобщность права и индивидуальность субъекта.

3. Представляется, что при исследовании феномена «понимание» он должен рассматриваться как познание – творение – самосозидание.

Список литературы: 1. Алексеев С.С. Теория права: Учебник. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – 320 с. 2. Архипов С.И. Субъект права в центре правовой системы // Гос-во и право. – 2005. – № 7. – С. 13 – 23. 3. Бондаренко А.Б. Насилие и права человека сегодня // Вестн. МГУ. Сер. 7: Философия. – 2002. – №6. – С. 99 – 116. 4. Введение в философию: Учебник для вузов / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2003. – 623 с. 5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с. 6. Иеринг Р. Борьба за право // Вестн. Гуманит. ун-та: Серия «Право». – Екатеринбург, 2002. – № 1(3). – С. 208- 211. 7. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА. ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 510 с. 8. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Гражданское правоотношение. – М.: Юрид. лит., 2000. – 795 с. 9. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 122 – 149. 10. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Х.: Право, 2002. – 328 с. 11. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Изд. гр. ИНФРА – М – НОРМА, 1997. – 652 с. 12. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 288 с. 13. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. – 624 с. 14. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопр. философии. – 1996. – №4. – С. 27–35. 15. Социальная антропология права современного общества: Монография / Под ред. И.Л. Честнова. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2006. – 248 с.

Надійшла до редакції 25.12.2007 р.